



DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331

EDN: QCOTFY

Научная статья / Research article

Чеченец в современной чеченской литературе: проза Эльбруса Минкаилова

Э.Ф. Шафранская^{IP}

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ shafranskayaef@mail.ru

Аннотация. *Цель исследования* — знакомство русскоязычного читателя с представителем чеченской литературы XXI в., прозаиком Эльбрусом Минкайловым. Посредством историко-литературного, компаративного и рецептивного методов анализируются переводные (с чеченского языка на русский) рассказы Минкаилова («Цель», «Эти глаза», «Терек», «Тяга к жизни», «Август того года», «Перед закатом» и др.), их особый стиль с элементами *эзопова языка*, интертекстуальной связью с русской классической литературой (рассказом «Крыжовник» Чехова, повестью «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, стихами Лермонтова) и мировой (сказкой «Маленький принц» Сент-Экзюпери), экфрастическими элементами; особое внимание уделено способу повествования — образу рассказчика, его мировоззренческой позиции в отношении к таким экзистенциальным категориям, как родина, дом, война. Представленный материал разрушает стереотипный образ чеченца, существующий издавна в русской литературе, а также в мифологии повседневности. Актуальность статьи обоснована отсутствием в учебном и научном дискурсе аналитики современной словесности, именуемой «литературой народов Российской Федерации», чеченской в частности.

Ключевые слова: Эльбрус Минкайлов, чеченская литература, образ чеченца, война, дом, Терек, дерево

История статьи: поступила в редакцию 24.12.2024; принята к печати 10.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шафранская Э.Ф. Чеченец в современной чеченской литературе: проза Эльбруса Минкаилова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 314–331. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331>



The Chechen in Modern Chechen Literature: Prose by Elbrus Minkailov

Eleonora F. Shafranskaya 

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ shafranskayaef@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to introduce the Russian-speaking reader to the representative of Chechen literature of the 21st century, prose writer Elbrus Minkailov. The author analyzes Minkailov's translated (from Chechen into Russian) stories ("The Goal", "These Eyes", "Terek", "The Craving for Life", "August of That Year", "Before Sunset", etc.) using historical-literary, comparative and receptive methods, reveals their special style with elements of Aesopian language, intertextual connections with Russian classical literature (the story "Gooseberry" by Chekhov, the story "Hadjı Murat" by L. Tolstoy, the poems of Lermontov) and world literature (the fairy tale "The Little Prince" by Saint-Exupéry), ekphrastic elements. The article focuses on the method of narration — the image of the narrator, his worldview position in relation to such existential categories as homeland, home, war. The presented material destroys the stereotypical image of a Chechen, which has existed for a long time in Russian literature, as well as in the mythology of everyday life. The relevance of the article is justified by the absence in the educational and scientific discourse of analytics of modern literature, called "literature of the peoples of the Russian Federation", Chechen in particular.

Key words: Elbrus Minkailov, Chechen literature, image of a Chechen, war, house, Terek, tree

Article history: received 24.12.2024; accepted 10.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Shafranskaya, E.F. 2025. "The Chechen in Modern Chechen Literature: Prose by Elbrus Minkailov." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 314–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-314-331>

Введение

В образовательном пространстве к одной из специальностей филологических наук — «Русская литература и литература народов Российской Федерации», ко второй части ее названия, существует отношение в некотором роде факультативное, как к довеску, как соблюдение некоего политеса. Если история литератур народов РФ, воссозданная еще в советское время, более или менее представлена в учебной литературе, то современность напрочь отсутствует. В лучшем случае она зиждется на так называемом «русскоязычном» дискурсе современных авторов, а переводной литературы как бы и не существует. В связи с этим представляем серию статей о современной переводной литературе народов РФ.

Главным источником, который знакомит читателя (редко, но регулярно) с переводной литературой народов РФ, выступает журнал «Дружба народов», сумевший пронести свою миссию, явленную в названии, поверх всех треволнений минувшего и настоящего времени (с 1939 г.).

Цель предлагаемой статьи — знакомство с проблематикой прозы чеченского писателя Эльбруса Минкаилова (1955–2023). Задачи: рассмотреть экзистенциальные образы его прозы (река Терек, дерево, дом, война) и проанализировать позицию рассказчика.

Объект исследования — поэтика прозы Минкаилова, предмет — рецепция чеченской точки зрения на события, факты и предметы бытия.

Методология исследования — труды по исторической и антропологической аналитике травмы, а также работы по экфрасису.

Материалом для статьи послужили рассказы Минкаилова «Цель» и «Эти глаза», опубликованные в переводе на русский язык в журнале «Дружба народов», а также ряд других его переведенных рассказов, выложенных на сайтах «Проза.ру» и «Клуб писателей Кавказа»: «Август того года», «Перед закатом», «Полноводный Терек», «Сомнения»; несколько текстов, опубликованных в разных переводах: «Жестокость» / «Палач»; «Жажда жизни» / «Тяга к жизни».

Возможно, писатель не успел достичь пика своей творческой славы — жизнь оборвалась. Однако его рассказы, как нам кажется, сумели впитать главные вехи чеченской истории последних восьмидесяти лет — причем в тональности весьма своеобразной: «тихой», непафосной, — от лица чеченца, отнюдь не того, собирательный образ которого распространен в российской повседневности, чеченца, незнакомого русскому читателю. Изображая жесткие и кровавые события, Минкаиллов пользуется «мягкими» приемами: нет ни расчлененных тел, ни насилия, ни брызг крови — жестокость жизни показана опосредованно, не эффектами, отстраненно, но безысходность в их изображении ощутима как вселенская несправедливость. Голос рассказчика Минкаилова — голос обычного человека, который разделяет понятные любому ценности, радуется цветку и дереву, хранит детские воспоминания, страдает от несправедливости.

Результаты и обсуждение

В русском дискурсе образ чеченца складывается с первой половины XIX в. — благодаря литературе, вначале романтической, потом реалистической. На рубеже XX–XXI вв. этот образ приобретает обертоны из новостной ленты, тиражирующей мифологию повседневности. Если кратко, то образ чеченца уместается между двумя презентациями: от Лермонтова («Казачья колыбельная песня»):

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал... (курсив наш. — Э.Ш.) —

до фиксации в исследовательском дискурсе: «В начале второй войны (1999) в интервью о зачистках часто звучала одна и та же фраза: когда люди пытались воспрепятствовать произволу и напоминали о законе, им отвечали: „Какой закон?! Ты — чечен!“» [1. С. 583] (курсив наш. — Э.Ш.).

Современный философ Артур Цуциев в статье «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов» рассматривает эволюцию образа чеченца в русской словесности и образ русского с точки зрения кавказца в мифологии повседневности. Яркие, смелые, спорные суждения Цуциева распределены по таким рубрикам его текста: «Русские образы горцев», «Совестливая рефлексия русской колонизации», «Деградация романтизма в советскую эпоху», «Этика русской неприязни», «„Витязь“ этнических войн», «Кавказские образы русских», «Русский обыватель как носитель „разрушенной культуры“», «Бытие как питание», «Русский мат и знание языка», «Достоинство и „мода“», «„Русский тип“ в координатах кавказской мужественности», «Христиане и мусульмане», «Русские как основа порядка», «Русские женщины», «Россия как горизонт состоятельности», «Русские как Свобода» [2].

Присутствующие в статье Цуциева обоюдонаправленные взгляды в русско-кавказском контексте представляют два вектора, которые исследуются в постколониальных штудиях под названием *ориентализм* и *оксидентализм*. Оба вектора отражают субъективную точку зрения одного этноса на другой.

В романе «Ложится мгла на старые ступени»¹ (2001) А.П. Чудаков трагикомически разоблачает двухвековой стереотип «кровожадного чеченца». Место действия в романе — город Чебачинск, куда ссылались жертвы этнических чисток: немцы, латыши, поляки, корейцы, чеченцы. НКВД разъясняет населению, что чеченцы и ингуши — предатели. В сознании чебачинцев этноним «чеченец» превращается в образ врага. В округе орудовала «банда Бибикова», состоящая, как говорили, из одних чеченцев (см.: [3. С. 144]). Когда банду взяли, оказалось, что «нерусских там было только двое: белорус... и один молодой ингуш».

Как видит чеченца сам чеченец — об этом может поведать нам только чеченская литература. Мы выбрали для знакомства с ней прозу Эльбруса Минкаилова. В его художественном портфолио — один сборник повестей и рассказов на чеченском языке².

Терек

В заглавии прозаического сборника Минкаилова присутствует название реки — Терек, которая протекает через весь Северный Кавказ («Терк дистина догIура» / «Терек был полноводным»). Терек для чеченца Минкаилова —

¹ Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: Роман-идиллия. Москва : Время, 2012. 640 с.

² Минкаилов Э. Терк дистина догIура [Терек был полноводным] : рассказы и повесть / на чеченском языке. Соьлжа-Г'ала (Грозный) : Грозненский рабочий, 2011. 222 с.

топос родины. Это подтверждают стихи Лермонтова, упомянутые выше: *злой чечен* «аффилирован» со своим местом обитания — берегом Терека. В другом стихотворении Лермонтова «Дары Терека» кровожадность реки, метафоризирующей *чечена*, материализована трупами, которые в виде даров Терек приносит Каспию. Позиция лирического субъекта в стихах Лермонтова выражена как ориенталистская.

Не так у Минкаилова. В лирическом повествовании рассказа «Перед закатом» Терек предстает как сакральное место для раздумий, откровений — для рефлексии рассказчика. «Почти ежедневно, взяв с собой какую-нибудь книгу, я шел к Тереку»³: там он коротал время, купался, лежал на песке, размышлял.

Однажды рассказчик увидел телеспектакль по сказке «Маленький принц» — его привлек голос Эдит Пиаф, а потом и сам спектакль. Далее состоялось знакомство с книгой, и даже не с одной — он пополнял свою библиотеку новыми изданиями.

Книги рассказчик читал на берегу Терека («в городе я их покупал, хотя там некогда было читать»), а вовсе не точил там «свой кинжал». «У меня тоже было одно место, откуда можно было в один вечер несколько раз наблюдать за закатом. Оно было на Земле, в Чечне, на берегу Терека, недалеко от нашего села, посреди долин Хозы и Нохи...»⁴: это был высокий берег, с которого можно было наблюдать за перемещением солнца.

Полюбив Маленького принца, рассказчик равнялся на него, соизмерял свои поступки и мысли с ним, сетовал, что у него нет своей планеты, чтобы укрыться от людей. И этой планетой становится для него берег Терека. Рассказчик понимает, почему Маленький принц любил смотреть на закат. Он, как и полюбившийся ему литературный герой, думает со светлой печалью о солнце: «Я стою на высоком берегу Терека, предавшись размышлениям. Солнце еще горит, хотя уже близок закат. Как хорошо, что оно есть, великое Солнце! Как хорошо, что оно останется. Как хорошо...»⁵.

В рассказе «Полноводный Терек» (или «Терек») рассказчик вместе с братом проводит лето после окончания школы на Тереке. Целый фрагмент рассказа посвящен «дарам Терека» — некая скрытая ирония и аллюзия к лермонтовскому стихотворению — дарам реки: юноши ищут среди них сучки, «похожие своей формой на людей или животных». «Полноводный Терек» богат своими дарами: например, принес корягу, похожую на голову льва.

Вскоре с рассказчиком случилось происшествие, которое навсегда останется в его памяти: он чуть не утонул, переплывая Терек, неоткуда было ждать спасения — «внезапно схватила судорога прямо под сердцем». Можно было

³ Минкаилов Э. Перед закатом : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisатели-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

рассчитывать только на себя. Собственно, все повествование — о преодолении препятствий, чтобы остаться жить. Это событие по своей интенции продолжает предшествующие сцены, когда братья строили замки из песка — строили врата, стены и мосты, копали, смешивали воду с песком, а потом «отлив беспощадно уносил их»⁶.

Позже, попадая в затруднительное положение, рассказчик всегда вспоминает этот день: он знает, что город, построенный из песка, можно отстроить заново. Последние годы его жизни полны разрушительных стихий, но он всегда находит в себе силы не быть с ними заодно, и в этом, заключает рассказчик, его счастье. «И я построил свой город... пусть даже из песка...» Это испытание, случившееся в семнадцатилетнем возрасте рассказчика, станет метафорой для грядущих катастроф, через которые ему придется пройти. «В такой ситуации человек может положиться только на силу своего духа, поняв на глубинном уровне, что он и только он отвечает за себя... <...> Сотни и сотни примеров многолетней чеченской трагедии подтверждают это» [1. С. 583], — пишет психолог Элиза Мусаева, исследуя постчеченскую травму.

Дерево

В центре рассказа «Тяга к жизни»⁷ — образ дерева, вокруг которого очерчены исторические и хронотопические сюжетные круги.

Исторические: «Как и в других селах, пока мы были в выселении, наиболее пригодные дома заняли люди, приехавшие с различных уголков разрушенной войной России»⁸, а другие дома, оставшиеся без хозяев, были разграблены людьми, порушены дождем и ветром, напоминая о себе лишь каменным фундаментом.

«Были в выселении» — прозрачное указание на депортацию, на 1944 год; «разрушенная войной Россия» — Вторая мировая. Причем, говоря о «различных уголках России», рассказчик выдает себя как человек современный, XXI в., потому что так не говорили ни сразу после войны, ни до конца жизни СССР (в ходу была не «Россия», а — «Советский Союз»). Рассказчик никого не хулит, не предъявляет никому счет, а с какой-то безысходностью констатирует этап в жизни своего народа («мы были в выселении»).

Вспоминая свое детство, связанное с периодом возвращения чеченцев из ссылки, рассказчик повествует о всеобщем народном *белхи* — взаимопомощи

⁶ Минкайлов Э. Терек : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/23/170> (дата обращения: 08.01.2025).

⁷ Рассказ Э. Минкайлова «Тяга к жизни» / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. Есть еще один перевод — с другим заглавием: Минкайлов Э. Жажда жизни : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/05/14/171>

⁸ Минкайлов Э. Тяга к жизни : рассказ / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/tjaga-k-zhizni/> (дата обращения: 07.02.2025).

между родственниками и соседями. Пишет исследовательница З.И. Хасбулатова: «...в годы депортации чеченцы отличались групповым самосознанием от других этносов, чувством солидарности и симпатии к своим соплеменникам» [4. С. 89] — и в местах выселения (Киргизии и Казахстане), и по возвращении домой в своих селах, когда жить было просто нелегко.

Так и в рассказе «Тяга к жизни»: все село собирается у Лошадиного крана и месит в яме глину с водой и соломой, делая из нее кирпичи — саман. Потом сообща строят саманные дома — для всех. Нанимать строителей возможности не было ни у кого, строили на энтузиазме и давней традиции белхи. «Сажать деревья, разбивать сады не успевали — первостепенных дел было слишком много»⁹, — сетует рассказчик, потому оберегали деревья, которые остались от той, былой жизни — тутовник, грушу, айву, акацию. И все это на фоне всеобщей бедности: в лесу собирали хмель, сушили и замешивали на нем, как на дрожжах, тесто из отрубей — получался хлеб; собирали хворост на отопление; топили коровьими лепешками, кизяком и кукурузными початками. А деревья берегли. «Куда бы ни повернули дороги моей жизни, любовь к деревьям меня не покидала никогда»¹⁰.

Хронотопические. Настало время — отец рассказчика инициирует посадку саженцев. Все село, собравшись на белхи, высаживает деревья (абрикос, алычу, сливу, яблоню, орешину, вишню, персик) — так меняется облик села. Некоторые деревья, «спустя 50 лет, стоят, напоминая мне об отце», — пишет рассказчик. Непроста перечислены в рассказе виды деревьев — они символизируют жизнь, красоту, их будущие плоды — изобилие и сытость, а все вместе — мирную жизнь, которая противостоит упомянутой дате: «В январе 1995 года в городе больше невозможно было оставаться...»

1995 год — разгар «первой чеченской войны». Рассказчик, переходя дорогу, останавливает взгляд на дымящемся дереве: «...из дупла идет слабый дымок. В десяти метрах от него, на дороге, стояла сгоревшая машина, пустые окна которой продувал ветер. Кажется, дерево загорелось от этого. Тогда мне подумалось так, но огонь мог возникнуть от чего угодно — весь город был объят пламенем...»¹¹.

Рассказчик пытается спасти дерево, набросав в его дупло снег, и покидает город. Это дерево было его давним знакомцем, он его заметил еще в мирное время: «...на вид ничем не отличавшееся от других, оно стояло, слегка наклонившись. Похоже, что когда-то дерево пострадало — вверху, на уровне человеческого роста, одна ветвь была отрезана, оставшаяся своей тяжестью приклонила его. На месте среза ветки образовалось дупло. Ствол гнил и изнутри

⁹ Минкашлов Э. Тяга к жизни : рассказ / пер. с чеченского Л. Довлеткиреевой. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/tjaga-k-zhizni/> (дата обращения: 07.02.2025).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

опустошался — ниже появилось еще одно отверстие. Два толстых корня дерева вылезли на поверхность земли возле ствола так, что можно было просунуть руку под ними. Я как-то обратил внимание на это дерево, но не было особой причины, чтобы держать его в памяти»¹².

Столь подробное описание дерева можно отнести к разряду *дендрографического экфрасиса* [5. С. 196], на что указывала О.М. Фрейденберг, утверждая, что позднеантичные риторы называли экфрасисом не только описания произведений искусства, но и подробные описания битвы, пейзажа, дома, человека и проч. [6. С. 22].

Спустя небольшое время рассказчик вновь оказывается рядом с этим деревом. Вокруг все было порушено, но дерево стояло как прежде: «Видимо, оно продолжало гореть после того, как я ушел: от верхнего дупла до корней над землей ствол дерева был пуст. И, несмотря на это, первое весеннее солнце и земля дали ему силы — дерево зеленело! Удивившись, я внимательно посмотрел на него. Казалось, у него нет ствола — одна кора. Подойдя ближе и присмотревшись, увидел: помимо коры, несгоревшим остался и ствол толщиной чуть больше пальца... Два-три года еще простояло это дерево и, проходя мимо, я каждый раз радовался, словно встречал старого друга. Оно казалось похожим на меня и других — хоть и опаленных войной, но тянущихся к жизни моих земляков...»¹³.

Один из вариантов заглавия рассказа переведен с чеченского как «Тяга к жизни», другой — «Жажда жизни»¹⁴. В обоих вариантах дерево очеловечено, вписано в сознание рассказчика, которое сформировано войной, да и предыдущими травмами — на фоне человеческой жестокости и дерево стремится выжить, пусть и выгорев наполовину, но все же — жить, зеленеть.

В заключительной части повествования рассказчик наблюдает восстановление города — деревья он не находит, его, наверное, срубили, удаляя все приметы недавней войны. А как быть с человеком? Куда девать его, выгоревшего душевно? Видимо, с ним надо работать — так, как это и делает Эльбрус Минкайлов своими рассказами: думать, взвешивать, расставлять экзистенциальные акценты, рефлексировать — воспитывать и закалять человеческую душу.

Дом

Рассказ «Цель» невольно вызывает в памяти читателя чеховский «Крыжовник»: оба о мечте длиной в жизнь и ее свершении. Персонажи рассказов: Израил у Минкайлова и Николай Иванович Чимша-Гималайский у Чехова —

¹² Минкайлов Э. Жажда жизни: Рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/05/14/171> (дата обращения: 07.02.2025).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

мечтают о доме. Израилу «хотелось, чтоб из окна постоянно были видны горы, лес, солнце, но главное, чтоб дом был большим и комнаты — с высокими потолками»¹⁵, а вокруг — малина, слива, абрикосы и виноград. Николай Иванович мечтал: «Сидишь на балконе, пьешь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо и... и крыжовник растет»¹⁶. И тот и другой чертили план.

Израил: «Все его мысли были заняты домом — почти каждый день, взяв карандаш и линейку, он чертил план. Иногда, когда очередной вариант приходился по душе, он завершал свою работу с таким удовлетворением, словно дом уже был построен...»¹⁷.

Николай Иванович: «Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: а) барский дом, б) людская, с) огород, d) крыжовник»¹⁸.

Думается, что ассоциация с чеховским «Крыжовником» неслучайна, она аллюзивно присутствует у Минкаилова, на что указывают не только фрагментарные паттерны сюжета, но и лексические построения. У Чехова: «годы шли», «минуло ему уже сорок лет». У Минкаилова: «шли годы», «Израилу было уже тридцать», «Израилу исполнилось уже пятьдесят лет».

У обоих авторов осуществление мечты вписано в исторический и социальный контекст: у Чехова — Россия XIX в.: комиссионеры, банки, барский дом, кухарка; у Минкаилова — советский XX в.: «квартирный вопрос», участок, работа на нем с топором и мотыгой, трудно добываемые «каждый гвоздь, дверная ручка, люстра...»

Мечта чеховского героя не в последнюю очередь связана с потаенным желанием изменить свой социальный статус: будучи потомком кантониста (выходца из низших воинских чинов), Николай Иванович, с приобретением имения, говорит «мы, дворяне».

Израил, сколько себя помнил, все время строился, так как своего жилья не было (отняли, захватили, уничтожили), надо было строить «крышу над головой»: сначала в казахском селе, куда выдворили его народ, потом в чеченском, куда им позволили вернуться. Да и потом его многодетная семья не могла выделить ему личное пространство. Будучи студентом университета в Москве, а затем и аспирантом, Израил жил в комнате общежития, «похожей на могилу, обшитую внутри дубовыми досками». Несмотря на то, что общежитие находилось в здании, внешне выглядевшем респектабельно (это была «сталинская высотка»), Израил, повидав, как живут его московские коллеги, чувствовал себя опять в «зоне» (это была официально называемая «зона С»).

¹⁵ Минкайлов Э. Два рассказа (Цель. Эти глаза) / пер. с чеченского автора // Дружба народов. 2008. № 7. С. 75.

¹⁶ Чехов А.П. Крыжовник: Рассказ // А.П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем: в 30 томах. Том 10. Москва: Наука, 1977. С. 59.

¹⁷ Минкайлов Э. Два рассказа... С. 75.

¹⁸ Чехов А.П. Крыжовник... С. 59.

Зонами были поселения в Казахстане и в чеченском возвращении. Он рвался на свободу — жить в *своем* доме.

«Казалось, что „зона“ было самым любимым словом Сталина — зонами был наполнен весь СССР, занимавший шестую часть земли, на зоны была разделена оккупированная Германия, на зоны же разделили и новый корпус Московского университета, который по праву считался светочем образовательной системы всей страны...»¹⁹.

На этом параллели заканчиваются, развитие сюжета у чеченского писателя продолжается в иной парадигме. У Чехова — «...кухарка подала к столу полную тарелку крыжовнику. <...>

— Как вкусно!

И он с жадностью ел и всё повторял:

— Ах, как вкусно! Ты попробуй!»²⁰.

У Минкаилова — «через несколько месяцев началась война»²¹, не суждено было пожить в *своем* доме Израилу.

«...В Чечне развернулась война, жестокая, беспощадная, как и все войны... Она ежедневно, словно гигантские жернова, перемалывала людские судьбы... Лилась кровь, множились могильные холмы, а вместе с этим — сироты, одинокие старики...

Чечня превратилась в огромную сплошную рану. Ранеными были люди, все живое — их тела и души...

Земля горела в огне войны, горело все то, что люди построили за многие годы... Чечня превратилась „в зону“ — зону военного конфликта...»²².

Рефлексия сбывшейся мечты у Чехова связана с самообманом Николая Ивановича, который писатель выводит на философский уровень, рассуждая о предназначении человека. У Минкаилова такого контекста нет, никакой философии. Однако сама структура его текста, без каких-либо сентенций со стороны повествователя, содержит пафос несправедливого устройства мира (эта интенция сближает двух авторов). Один из фрагментов текста выбивается из биографической линии (Израила), меняя точку зрения на происходящее, оно описано с позиции другого. То, как встроен этот фрагмент в сюжет рассказа, меняет тональность повествования, вносит ноту трагического сарказма:

«...Летчик, майор Иван Громов, поднявшись на своем самолете с аэродрома, расположенного в Моздоке, вылетел в Чечню. Его целью была „база боевиков“, но где она находится, не знал никто. Как обычно, куда ни попадая, в горах летчик расстрелял весь свой смертоносный арсенал... Под крыльями оставались только две ракеты...

¹⁹ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 74.

²⁰ Чехов А.П. Крыжовник... С. 61.

²¹ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 75.

²² Минкаилов Э. Два рассказа... С. 75.

Он пронесся над городом на небольшой высоте, подал знак напарнику, чтоб тот уходил, а сам вернулся — он приметил высокий, красивый дом с блестящей под лучами солнца крышей из алюминиевого шифера. Этот дом стал для него мишенью, целью, которую он выбрал...

Сделав круг, он вернулся, тщательно прицелившись, выпустил ракеты... Оставляя за собой шлейф дыма, ракеты устремились к земле... И так же, одна за другой, взорвались...»²³.

От дома Израила остались только обломки. Летчик доложил о выполненном задании, «допил оставшуюся со вчерашнего дня бутылку водки, закусив засохшей краюхой хлеба и сырком, и лег спать»²⁴. В Чечню его привел, вероятно, тоже «квартирный вопрос», он приехал на заработки — у него, как у Израила, была цель, даже две — конкретная и эфемерная. «Похоже, что обе эти цели ему удастся достичь», — резюмирует повествователь, отсылая читателя к заглавию своего рассказа.

Разрушенная мечта Израила входит в новую фазу — она слегка теплится и опять дает силы жить: Израил разбирает руины дома, аккуратно складывает осколки, которые могут пригодиться в будущем — таков неотменяемый закон жизни, закаливший чеченский народ в последние века. В сознании повествователя тихо звучит вопрос:

«Когда же у чеченского народа будет возможность жить по-человечески? <...> Народ небольшой, от него никогда не исходила угроза земле и свободе других народов... Чем же ты провинился, чтобы оказаться в такой беде, кто, почему вытянул и теперь этот несчастный жребий?..»²⁵.

Однако не произнесенный вслух, вопрос принимает глобальный и экзистенциальный характер, его внутреннее звучание достигает невероятной громкости и оставляет читателя с надеждой — дом будет отстроен заново. Точно так же, как и в повести «Хаджи-Мурат» Льва Толстого (не случайно упомянутой в рассказе), — вероятно, история развивается по спирали: «Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной: крыша была провалена, и дверь и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. <...> Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. <...> Перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить страшными усилиями все с таким трудом заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или, противно религиозному закону и чувству отвращения и презрения к русским, покориться им. <...> Старики... принялись за восстановление нарушенного»²⁶.

²³ Минкашлов Э. Два рассказа... С. 76.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат: Повесть // Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. : в 90 томах / под общ. ред. В.Г. Черткова. Москва; Ленинград : Госиздат, 1928–1958. Том 35. 1950. С. 80–81.

Точно так же происходило в истории других поруганных народов: балкарцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, корейцев, немцев, крымских татар. Их «возвращение на место разрушенных домов воспринимается... как возможное воскрешение не только нации, но и отдельного человека» [7. С. 202].

Война

Тема войны звучит почти во всех рассказах Минкаилова, даже в тех, которые оторваны от военного времени — как до него, так и после. Эта тема станет теперь одной из главных в картине мира многих поколений чеченцев. В рассказе «Эти глаза» встреченная в мирное время симпатичная девушка кажется знакомой. Не глаза ли это снайперши, запомнившейся рассказчику, которую он встретил двенадцать лет назад?

«...Война продолжалась уже несколько дней. Стрельба слышалась всюду, разрывались снаряды и мины, часто в небе кружили самолеты, выбрав цель, они наносили бомбовые и ракетные удары, а затем улетали на запад, кажется, в Моздок. Город горел, а вокруг него, далеко, на склонах хребтов, пылали нефтяные вышки, закрывая небо вырывающимся с гулом пламенем — казалось, к городу подбираются огненные драконы с гривами из дыма, словно пытаясь проглотить все: и живое, и неживое...»²⁷.

Именно тогда он увидел девушку, шедшую со своей напарницей то ли в дом, где, по слухам, засели снайперы, то ли в универсам, открытый для всех новоявленных мародеров. Две противоборствующие стороны войны, названные на военном сленге «федералами» и «боевиками», для рассказчика равны, они — участники войны, не он. И эти девушки тоже служат, как ему тогда показалось, на одной из сторон. Зацепившиеся друг за друга два взгляда — девушки и рассказчика — не давали ему покоя все эти годы. Почему? Может, удивил ее возраст (лет восемнадцать)? Ее явный чеченский фенотип? Он не мог понять. И когда, по прошествии многих лет, они вновь встречаются, рассказчик, не удержавшись, спрашивает девушку: она ли была там, рядом с универсамом, двенадцать лет назад. Ответ девушки его разочаровал: не она. Теперь его мучают другие вопросы: «Может, эти девушки из отряда федералов... Просто сняли форму и оделись таким образом? <...> Или, узнав меня — уставшего, помятого, в копоти, без оружия в руках, — своим взглядом она выражала презрение ко мне из-за того, что я не в рядах бойцов, как она? А может, просто ей, напуганной войной, при встрече со знакомым человеком захотелось обратиться к нему, о чем-то расспросить, попросить о помощи? <...> Что же выражал этот взгляд? Что? Почему? Или мне все просто показалось?..»²⁸.

Война корежит сознание, в каждом видится скрытый враг, прошедший войну, с точки зрения психологов, остается ментально травмированным инва-

²⁷ Минкаилов Э. Два рассказа... С. 77.

²⁸ Там же. С. 78.

лидом. Мы уже рассматривали подобный случай — на примере рассказа «Еврейская невеста» Дины Рубиной, в котором герой Йоська, в детстве переживший Холокост, так и не отошел от него в мирное время. Холокост оставил на Йоське свою отметину, отозвавшись в его несложившейся судьбе, тревожном характере. Эта травма искорежила всю его постхолокостную жизнь: он не умеет любить, чувствовать — все сгорело в печах концлагеря вместе с теми, кто его любил, жалел, ласкал, обучал жизни [8. С. 38].

Психологи и психиатры, антропологи и социологи, исследуя посттравматический синдром, опубликовали свои результаты в беспрецедентном сборнике научных статей «Травма: пункты» (2009). В нем учитывается и тот феномен, который воспроизведен в рассказе Минкаилова.

Американская исследовательница Кэти Карут, специалист по теории травмы, пишет, что «видение из прошлого фактически говорит: ты должен видеть, но ты не можешь знать», образ прошлого говорит: «есть что-то, что ты еще не понял» [9. С. 565] — вероятно, это объясняет, почему травма войны не отпускает. Элиза Мусаева, психолог, добавляет, что «война ставит человека в особые условия физического и психологического выживания. Кажется, что мир сошел с ума, и каждый пытается по-своему осмыслить и понять происходящее вокруг: причины, следствия и собственные ответные реакции. В экстремальных условиях происходит переоценка ценностей и приоритетов. Отмечается то, что вчера казалось важным, теряется значимость суетного и материального. Остается то, во имя чего имеет смысл жить» [1. С. 583].

Элиза Мусаева приводит один пример из своей практики, который сопоставим с ситуацией в рассказе «Эти глаза» — ситуацией недоверия и подозрительности. В 2003 году из собственного дома был похищен врач Турпал (в период между первой и второй чеченскими войнами он лечил одного из полевых командиров). После пыток и истязаний его оставили жить, выбросив на обочину Грозного. Беседуя с исследователями травмы, Турпал рассказал о тревожащих его мыслях: те, кто его мучил, знали о нем всё, даже то, что не было связано с войной, например, о деталях его помощи соседу в постройке дома. Турпал стал жить с чувством, что тот человек, который все выложил его мучителям, наверняка ходит в его дом, улыбается ему как ни в чем не бывало, общается с ним — так Турпал стал подозрительным [1. С. 596–597] (о том, как Турпал «лечил» свою травму, см. в статье Э. Мусаевой).

В рассказе «Август того года» — будничные эпизод небольшого перерыва между первой и второй чеченскими войнами: люди, надеясь на мирную жизнь, восстанавливали дома, пытались наладить жизнь, в которой тем не менее не прекращались ежедневные теракты. «Улица, на которой я жил, называлась Фугасной: нет ни одного дня без происшествий»²⁹.

²⁹ Минкаилов Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

В обычном жилом квартале Грозного было неспокойно — стреляли: то военные, то боевики. «Любую передвигающуюся машину или человека снимали снайперы, засевшие в блокпостах или на крышах зданий...» В центре внимания рассказчика — соседский подросток Рустам, у которого в конце первой войны убили брата: он шел по улице, просто став мишенью для снайпера. Судя по участвовавшим перестрелкам, рассказчик заключает: «...началась новая война». Вот и Рустам вдруг появился с автоматом. Его стали уговаривать и рассказчик, и соседка, чтобы он избавился от оружия, до беды недалеко.

Что удивляет читателя? С одной стороны, — экстремальная картина, а с другой — будничная, люди перебежками двигаются по своим хозяйственным нуждам, собираются кучками, обсуждают городские новости. Война стала привычным фоном, городской пейзаж состоит из пылающих БТРов, лежащих на обочинах трупов, люди ходят по двору, будто в обычной жизни, но на всех лицах — печать страха, «со временем страх вошел в мозг костей...»³⁰.

Рустам, готовый отомстить за брата (неважно, что не эти люди его убили), стреляет в контуженного военного, и в итоге получает свою снайперскую пулю.

Вся картина, изображенная в рассказе, — как взгляд из окна во двор, или другого наблюдательного пункта, где как будто бы ничего не происходит. В рассказе нет никаких художественных изысков, автор не выстраивает ни мизансцены, ни содержательных диалогов, нет никаких символических реплик. «Жизнь как текст». Жизнь соседствует со смертью, ставшей банальной. Позиция рассказчика неопределима: он на стороне федералов? Боевиков?.. Ни на чьей.

Все рядком лежат —
Не развестъ межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила.

В этих стихах Марины Цветаевой (1920) — суть войны, любой. Именно эти стихи характеризуют позицию рассказчика — над всеми:

«В голове путающиеся мысли: „Интересно, когда закончится эта жестокость? Когда родилась? Сколько ей еще быть? С тех пор, как царские войска завоевывали эту землю, уже 150 лет прошло, несколько поколений сменилось. В повести Толстого „Хаджи-Мурат“ говорится о герое, суровом чеченце Гамзало. Прошедшие события, тяготы, которые перенес народ... Поводов для

³⁰ Минкаиллов Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

жестокости много с обеих сторон. Но все же, уже как-то сложилась история, неужели недостаточно того, что уже случилось...“»³¹.

Упоминание толстовского персонажа Гамзало, отнюдь не миротворца, пожалуй, самого непримиримого борца из свиты Хаджи-Мурата, несколько повисает в окружении риторических вопросов. Это ответ на вопросы рассказчика? Это какой-то аргумент? Упоминается именно Гамзало, а не Хаджи-Мурат, легендарный своей храбростью. Может, это разумный упрек и довод, обращенный к истории, которая повторяется по кругу?

Одна из версий нашего понимания вписывается в «осторожный» стиль Минкаилова, в некую недоговоренность, аллюзивность и, возможно, *эзопов язык* его прозы: образ Гамзало коррелирует с прологом из «Хаджи-Мурата», где идет речь о «чудном малиновом» цветке — репее, называемом русскими «татаринном». Его, как правило, «старательно окашивают». Толстовский рассказчик попытался сорвать репей, цветок был «страшно крепок»; одолев, рассказчик бросил его. Но тут же встретил еще один куст, «он все стоит и не сдается человеку, уничтожившему всех его братьев кругом его»³². И в дополнение — среди кавказских персонажей в «Хаджи-Мурате» только один чеченец — «рыжий Гамзало».

На чьей стороне рассказчик? Попытаемся найти ответ на этот вопрос в следующем разделе.

Рассказчик

Позиция рассказчика в прозе Минкаилова не меняется от рассказа к рассказу, это единый образ его прозы. Мировоззренческий портрет рассказчика особо очевидно выражен в лирических миниатюрах «Жестокость» и «Сомнения».

В «Жестокости» экфрастически рисуется ландшафтная панорама весеннего поля: высокая трава, на ее фоне, словно на ковре, выделяются красные маки. Бредущий по полю рассказчик старается не наступить на цветы. Навстречу ему по тому же полю идет юноша, размахивающий палкой и сбивающий со стеблей цветы. Далее диалог между рассказчиком и юношей: один вопрос — один ответ:

«— Что ты делаешь, за что враждуешь с цветами?!

— Я дал себе слово, что уничтожу по одному из этих цветков за каждого ненавистного мне человека!»³³.

Рассказчик ничего не предпринимает, он субъект бездействующий, лишь фиксирует форму зла, против которой бессилен, называя юношу палачом.

³¹ Минкаилон Э. Август того года : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/17/70> (дата обращения: 07.02.2025).

³² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат... С. 5–6.

³³ Минкаилон Э. Жестокость : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

Заглавие миниатюры — «Жестокость» (в другом переводе — «Палач»³⁴) — вводит этот текст в разряд философских и одновременно проливает свет на все прочие тексты Минкаилова: жестокость, зло — это формы существования человека, иногда они побеждают, иногда они прячутся, затаившись на время, но надо понимать, что они никуда не деваются.

Во второй миниатюре подвергается сомнению один из столпов чеченской картины мира — почитание старших. (Исследователь А. Цуциев перечисляет аксиологические составляющие чеченской, шире — кавказской, картины мира: «Жизнь горца... это тень вечно утверждаемого достоинства, следования Закону — набега, гостеприимства, кровомщения, почитания старших, страха проявить трусость» [2. С. 154].) Эта квазисентенция Минкаилова могла возникнуть только на фоне братоубийственной войны: «В этот день чеченцы впервые стреляли в чеченцев...»³⁵, итог которой можно выразить, повторим, цветаевскими строками: «Белый был — красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был — белый стал: / Смерть побелила». Вокруг убитых бегают старик, крича: «Их всех надо было убить! Всех! Так и надо этим врагам Всевышнего!»

Рассказчик в сомнении, кого считать врагом, на чьей стороне правда, кто враг Всевышнего, кто его ученик?

«Почему же он считает их своими врагами? И откуда ему известно, что они враги бога? — долго думал я той ночью, потрясенный увиденным, ворочаясь без сна в постели. — Течет ли в его жилах чеченская кровь?.. Наверное, он один из тех, кто в своей молодости принимал участие в таких делах, из-за которых мы были высланы... Не довольствуясь этим, и теперь, постарев, хочет навлечь новые беды на наш народ!..

С той ночи мне очень трудно с уважением относиться к незнакомым старикам. Мешает сомнение...»³⁶.

Можно сказать, что в миниатюре «Сомнения» рассказчик Минкаилова выводит тему войны из этнического и хронологического (и хронотопического) регистра, вводит ее в общечеловеческую парадигму, в которой традиционная статусность не равнозначна праведности, зло и жестокость могут нести и правители (как сказано о юноше в «Жестокости»: «Он стал не только палачом, он стал их предводителем»), и умудренные старики.

Заключение

Знакомство с прозой Минкаилова если не расширит, то изменит представление русскоязычного читателя о чеченцах, так как обыденное сознание, формируемое стереотипами и клишированными двухвековыми штампами, далеко

³⁴ Минкаилов Э. Палач : рассказ / пер. с чеченского Зуры Итсмиолорд. URL: <https://proza.ru/2012/01/16/1994> (дата обращения: 07.02.2025).

³⁵ Минкаилов Э. Сомнения : рассказ / пер. с чеченского. URL: <https://pisateli-kavkaz.ru/portfolio/3506/> (дата обращения: 07.02.2025).

³⁶ Там же.

от реальности. Именно это понял на рубеже XIX–XX вв., когда писал «Хаджи-Мурата», Лев Толстой, создав смелую, бескомпромиссную повесть, цитирование которой в сегодняшних реалиях воспринимается как актуальный текст. В подтексте рассмотренных рассказов Минкаилова точка зрения рассказчика — на события, ставшие историей, и на современность, типологически родственную примерно полуторавековой давности, — совпадает с толстовской. Эзопов язык минкайловского повествования — это выбранная писателем парадигма, продиктованная контекстом существования.

Литература

1. Мусаева Э. Жизнь после жизни: Записки о поисках смысла выживания в Чечне // Травма: пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 582–605.
2. Цуцьев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152–176.
3. Шафранская Э.Ф. Роман А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» в аспекте филологической антропологии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 140–147. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.4.140> EDN: ZEGAOZ
4. Хасбулатова З.И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 87–89. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.20> EDN: ZDRBKX
5. Абиева Н. Межсемiotический перевод в основе экфрасического текста // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Францишка Карпиньского, 2018. С. 191–209.
6. Брагинская Н. Показ, каталог, сравнение, экфраза : О.М. Фрейденберг о происхождении литературного описания // Теория и история экфрасиса : итоги и перспективы изучения : коллективная монография / под науч. ред. Т. Автухович при участии Р. Мниха и Т. Бовсуновской. Siedlce : Институт региональной культуры и литературоведческих исследований имени Францишка Карпиньского, 2018. С. 13–27.
7. Кешифидинов Ш.Р. Все дороги ведут в Крым: повесть «Бархатный сезон» Эмиля Амида // История и современность филологических наук : сб. науч. статей по матер. Междунар. науч. конф. XVII Виноградовские чтения. Москва : Изд. дом Вахромеева, МГПУ, 2024. С. 198–206. EDN: KADGTP
8. Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф., Кешифидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте. Москва : Изд-во Юрайт, 2025. 242 с.
9. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты : сб. статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 561–581.

References

1. Musayeva, E. 2009. "Life after life: Notes on the search for the meaning of survival in Chechnya." In *Trauma: points: Collection of articles*, comp. by S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: New Literary Review, pp. 582–605. Print. (In Russ.)
2. Tsutsiev, A. 2005. "Russians and Caucasians: beyond the friendship of peoples." In *Friendship of peoples*, no. 10, pp. 152–176. Print. (In Russ.)

3. Shafranskaya, E.F. 2017. “A. Chudakov’s novel ‘The mist falls on the old steps’ in the aspect of philological anthropology.” *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4, pp. 140–147. Print. (In Russ.)
4. Khasbulatova, Z.I. 2017. “‘Belkhi’ as a traditional form of mutual assistance associated with the economic and family life of Chechens in the 19th–20th centuries.” *Society: philosophy, history, culture*, no. 8, pp. 87–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/fik.2017.8.20> EDN: ZDRBKX
5. Abieva, N. 2018. “Inter-semiotic translation at the heart of an ecphrastic text.” In *Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study: a collective monograph*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 191–209. Print. (In Russ.)
6. Braginskaya, N. 2018. “Display, catalog, comparison, paraphrase: O.M. Freudenberg on the origin of literary description.” In *Theory and history of ecphrasis: Results and prospects of the study: a collective monograph*, edited by T. Autukhovich with the participation of R. Mnikh and T. Bovsunovskaya. Siedlce: Franciszek Karpiński Institute of Regional Culture and Literary Studies, pp. 13–27. Print. (In Russ.)
7. Keshfidinov, Sh.R. 2024. “All roads lead to Crimea: the story ‘The Velvet Season’ by Emil Amit.” In *The history and modernity of philological sciences: a collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference 17th Vinogradov Readings*. Moscow: Vakhromeev Publishing House; Moscow City University, pp. 198–206. Print. (In Russ.) EDN: KADGTP
8. Garipova, G.T., E.F. Shafranskaya, and Sh.R. Keshfidinov. 2025. *Modern literature. Types of art in a literary text*. Moscow: Yurait Publishing House, 242 p. Print. (In Russ.)
9. Karut, K. 2009. “Trauma, time, and History.” In *Trauma: points: Collection of articles*, comp. S. Ushakin and E. Trubina. Moscow: New Literary Review publ. pp. 561–581. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-4462-5710. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

Bio note:

Eleonora F. Shafranskaya is a Doctor of Philology, Professor, RUDN University, 6 Mikhlukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4462-5710. E-mail: shafranskayaef@mail.ru